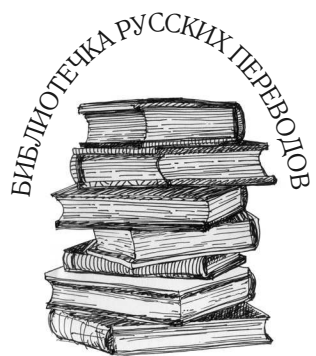

Элино́р Гли́н

Любовь слепа

RUGRAM

Москва

2023

Издатель Иванов В.Ю.

УДК 821.111.
ББК 84(4Вел)
Г54

Тексты печатаются по изданиям:

Элино́р Гли́н

— Любовь слепа. Роман /Пер. с англ. Раисы Быховской.

Киев: Культура, 1928. — 132 с.

— Полное собрание сочинений.

Перевод с английского М. А. Маевской

Москва: М. А. Маевская, 1916–1918

Том 2. Причуды любви. Роман. — 1917, 360 с.

Гли́н Э.

Г54 Любовь слепа; Причуды любви: романы / Элино́р Гли́н; [пер. с англиск.]. — М. : «Т8 RUGRAM», 2023. — 480 с. — (Библиотечка русского перевода).

ISBN 978-5-517-10238-6

Романы популярной английской писательницы Элино́р Гли́н написаны в лучших традициях «дамских романов».

Это динамичные и увлекательные произведения, где героини-женщины — необычайны по своей внешности, по характеру, по судьбе, а герои-мужчины, аристократы не только по происхождению, но по душевному благородству. Гордость, ревность и взаимное непонимание воздвигают, казалось бы, непреодолимую преграду между пылкими сердцами, но страстная любовь сметает все препятствия и приводит героев к счастью.

УДК 821.111.
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-517-10238-6

© «Т8 RUGRAM», 2023
© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В.Ю., 2023

Любовь слепа

LOVE'S
BLINDNESS

ELINOR
GLYN

ГЛАВА I

В середине мая лорд Губерт Кюльвердель, восьмой граф Сент-Остель, смотрел на Грин-парк из окон своей библиотеки. Он окончательно уяснил себе, что, если Вениамин Леви не придет ему на помощь и не предоставит в его распоряжение полмиллиона фунтов стерлингов в течение этой недели, он не только разорится сам, но — что много хуже — в таком же положении очутятся его лучшие друзья.

Случилось все чрезвычайно просто. В первые годы после войны жизнь представлялась скучной и бессмысленной. Губерт ненавидел бездействие, а Джимми Мак-Алистер, его ближайший друг, сделал, казалось ему, величайшее в мире открытие, которое должно было произвести революцию в области аэропланов, и это его заинтересовало. Нужны были только деньги, чтобы осуществить чудесное изобретение и представить его военному министерству.

Лорд Сент-Остель, человек вовсе нелегковерный, и его друг Джимми всей душой отдались этому делу. Они основали общество для эксплуатации изобретения, и немногие избранные, когда им была открыта эта тайна, попросили принять их в число компаньонов. Однако, никто из них, аристократов, предки которых в течение столетий были политиками и дипломатами, не обладал нужной деловой сметкой, и после нескольких месяцев их неумелого управления секретарь общества скрылся с деньгами пайщиков. Сент-Остель оказался в отчаянном положении, потому что хотя

он и был богатым человеком, владельцем поместья в Гармпшире и громадных рудников в Уэльсе, но полмиллиона фунтов — это сумма, которую весьма трудно раздобыть в течение одной недели.

Сотни раз во время войны во Франции и во Фландрии смотрел он смерти в глаза совершенно спокойно, но сейчас не находил себе места. Как мог он обмануть тех, кто доверился ему, его вере в изобретение? Своего дядю, бедного старика-маркиза с запутанными делами, и других разоренных аристократов, прижатых к стенке аграрной политикой нового правительства? Что-то необходимо предпринять. То, что он сам останется нищим, мало его трогало. Жизнь была для него полна радостей с того самого дня, когда 31 год назад в восхитительной обстановке старинного богатого дома он впервые открыл глаза.

Губерт отвернулся от окна. Грохот Пиккадилли, приглушенный расстоянием, ощущался здесь как гул, означающий жизнь. Комната, в которой он находился, была великолепна — просторная, покойная, со светлыми панелями, подходящее место для размышлений. С картины кисти Ван-Дейка, висящей над письменным столом, гордо смотрел на него второй граф Сент-Остель. Губерт очень походил на своего предка. Густые каштановые волосы обрамляли его виски, глаза были такими синими, насколько это возможно для глаз, а своеобразная складка у губ придавала лицу полунасмешливое, полупечальное выражение.

Никто из Кюльверделей, какие бы ни совершал ошибки, никогда не обманывал ни друга, ни недруга. Даже самые худшие в этой семье не были мошенниками. Он, последний в роде, смотрел на портреты предков, потом на фотографии

своих младших братьев, убитых при Луре. Те же правдивые синие глаза улыбались ему с каждого изображения... Чарли и Гэмфри, его кузены, погибли, как и три его двоюродных племянника, и он, Губерт, восьмой граф, остался последним в роде.

«Честное слово, — сказал он себе, — какой-нибудь выход должен быть найден».

Он позвонил, приказал подать автомобиль и через пять минут входил в контору Вениамина Леви на улице Клифффорд.

Все в кабинете банкира имело очень строгий вид, но как раз перед приходом лорда здесь разыгралась необычная сцена. Оскар Изаксон, доверенное лицо Вениамина Леви, имел смелость напомнить патрону о своей пятнадцатилетней верной и безупречной службе. В течение этого времени он наблюдал все возрастающие достоинства Ванессы, единственной дочери Леви, и теперь, собрав удачными спекуляциями за свой счет круглую сумму, просил руки его дочери в надежде в будущем стать достойным компаньоном тестя.

И тут Леви совершил одну из немногих ошибок в своей жизни — с насмешкой отказал клерку. Банкир без обиняков заявил ему, что у него совсем другие планы относительно дочери, и пусть лучше он, Оскар, обратится к своему здравому смыслу и живо соберет все последние сведения о деле изобретения аэропланов, которые он, Леви, собирается купить.

Оскар Изаксон имел обыкновение, выслушивая приказания, смотреть немного в сторону, так что говорящий не мог видеть выражение его лица и судить о впечатлении, производимом обращенными к нему словами. Сила привычки заставила этого человека даже сейчас, в столь важную минуту его жизни, вести себя так же, и острый взгляд Вениамина

Леви не прочел выражения безумного гнева, промелькнувшего на лице главного клерка. Оскар взял себя в руки, молча принес пачку требуемых документов и положил на конторку, а когда лорд Сент-Остель вошел, он подал ему стул и вышел, опустив глаза. Владелец конторы и будущий клиент поздоровались.

Вениамин Леви имел славу самого честного и уважаемого дисконтера Лондона. До сих пор лорду для себя лично не приходилось обращаться к нему, но он неоднократно бывал здесь, устраивая дела своих друзей.

Умные темно-голубые глаза Леви — это был светловолосый еврей — казалось, насквозь видели его. Банкир прекрасно понимал, чему обязан посещением лорда. Он знал, впрочем, и множество таких деталей, о которых Губерт не имел ни малейшего представления. Знал, например, что изобретение, которым тот занимался, было более чем солидным, что оно в короткий срок должно принести миллионы, а также причину того, что банкиры отказывали Сент-Остелю в кредите. Леви сам позаботился об этом. Он никогда не действовал беспричинно и теперь руководствовался теми же убеждениями, которые вот уже десять лет лежали в основе его поступков.

После получасового разговора он произнес:

— Совершенно бесполезно, мой дорогой лорд, дела это одно, а филантропия — совсем другое. Ваша светлость, вероятно, не имеет в виду пользоваться благотворительностью с моей стороны.

Лорд Сент-Остель сидел совершенно спокойно. Он говорил со свойственной ему чарующе изысканной манерой выражаться, сознательно сдерживая в голосе надменные нотки, унаследованные им от своих предков, пришедших